

Д.В. Семушев*

ИННОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ОБРАЗОВАНИИ В 1920-Е ГОДЫ В СИБИРИdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-20
УДК 93/94(571.1)[1920-1930]

Выходные данные для цитирования:
Семушев Д.В. Инновации в юридической науке и образовании в 1920-е годы в Сибири // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 271–284.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-20.pdf>

D.V. Semushev*

INNOVATIONS IN LEGAL SCIENCE
AND EDUCATION IN THE 1920S IN SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-20

How to cite:
Semushev D.V. Innovations in Legal Science and Education in the 1920s in Siberia // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 271–284.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-20.pdf>]

Abstract. The article is devoted to an analysis of innovations in legal education in Siberia during the 1920s–1930s through the lens of the search for a new understanding of law and its role in the practice of building the socialist state. Instead of a wholesale negation of law in the early years of Soviet power, by 1920 law had been transformed into an instrument of class struggle and a tool for implementing state policy. A legal doctrine was formed post factum on that basis; decisions in the field of legal regulation and the very conception of law were developed in the course of political struggle and political discourse, which led to the dogmatization of politically conditioned scientific doctrines, postulates, ideas, and approaches. Initially innovative scholarly inquiry tended to stop at the viewpoint of the victors in the state-political sphere. Particular attention is paid to the emergence of a social demand for the training of legal personnel and to the development of new forms of education for justice officials. Based on documents of the Siberian Legal Courses from the collections of the State Archive of the Novosibirsk Region, the author analyzes the specific features of the formation of a new paradigm of Soviet legal education. The outcome of these innovations in legal education was the construction of a new system for training justice officials—already admitted to Soviet organs but lacking formal legal education—entirely abandoning the pre-revolutionary university system and seeking new forms of legal training that combined Marxist-Leninist doctrine with the practical needs of law enforcement. The relevance of the study is determined by the need to comprehend the historical experience of reorganizing legal education amid the socio-political transformations of the 1920s–1930s.

Keywords: Siberian legal courses, social demand for training lawyers in Siberia, formation of a new paradigm of legal education in Siberia in the 1920s–1930s.

The article has been received by the editor on 28.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу инноваций в юридическом образовании Сибири в 1920–1930-е годы сквозь призму поиска нового понимания права и его роли в практике строительства социалистического государства. Вместо отрицания права в первые годы советской власти к 1920 г. право превратилось в инструмент классовой борьбы и реализации государственной политики. На ее основе постфактум форми-

* Денис Владимирович Семушев, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: semushev-dv@ranepa.ru

Denis Vladimirovich Semushev, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, e-mail: semushev-dv@ranepa.ru

ровалась юридическая доктрина, решения в сфере правового регулирования и само понимание права вырабатывались в процессе политической борьбы и политического дискурса, это приводило к догматизации политически обусловленных научных доктрин, постулатов, идей, подходов. Изначально инновационный научный поиск останавливался на точке зрения победителей в государственно-политической сфере. Особое внимание уделяется формированию социального заказа на подготовку юридических кадров и разработке новых форм образования для работников юстиции. На основе документов Сибирских юридических курсов из фондов Государственного архива Новосибирской области автор анализирует особенности формирования новой парадигмы советского юридического образования. Результатом инноваций в юридическом образовании стало построение новой системы подготовки уже принятых в органы советской власти работников юстиции без юридического образования с полным отказом от дореволюционной системы университетского образования и поиском новых форм подготовки юридических кадров и сочетания марксистско-ленинской доктрины с практическими потребностями правоприменения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта реорганизации юридического образования в условиях социально-политических трансформаций 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: Сибирские юридические курсы, социальный заказ на подготовку юристов в Сибири, формирование новой парадигмы юридического образования в Сибири в 1930-е годы.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026 г.

После закрытия в 1922 г. факультета общественных наук в Томском государственном университете, в составе которого функционировало правовое отделение, подготовка кадров высшей квалификации для всей Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока до 1931 г. велась в составе правового отделения факультета советского строительства Иркутского государственного университета, в среднем выпускавшего около 60 специалистов с высшим юридическим образованием¹.

Это не могло удовлетворить потребность в юридических кадрах советской власти для такой большой географической территории в необходимом количестве по множеству причин: длительный срок обучения, недостаток финансирования, неграмотность выдвиженцев в судебно-следственные органы из среды рабочих и крестьян, непривлекательность высшего юридического образования и судебно-следственной работы среди квалифицированных рабочих, высокая текучка кадрового состава в органах государственной власти Сибири.

С 1923 г. подготовка и переподготовка кадров для местных органов юстиции РСФСР велись на юридических курсах, окончание которых приравнивалось к среднему образованию. За первое полугодие 1923 г. было организовано только 9 областных юридических школ с годичным сроком обучения и 8 губернских со сроком обучения 46 месяцев².

Научные исследования, посвященные такой форме профессиональной подготовки и переподготовке юристов в 1920–1930-е годы, как юридические курсы, проводились в составе исследовательских работ, посвященных системе высшего юридического образования или системе подготовки юридических кадров в целом.

Уже в 1920-х годах появляются первые работы, авторы которых обозначали первые итоги и текущее состояние юридической деятельности и юридического образования в СССР.

Евгений Исаакович Кельман в работе «О системе юридического образования», впервые опубликованной в 1925 г. и повторно вышедшей в свет в журнале Курского государствен-

¹ Казарин В.Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // ГлаголЪ правосудия. 2013. № 2 (6). С. 60–68.

² Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за первое полугодие 1923 г. // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 51–52. С. 11–80.

ного университета «Историко-правовые проблемы: новый ракурс»³, подробно анализирует современные ему кризисные явления в подготовке юристов раннесоветского периода, актуальные и для Западной Сибири в 1920-е годы. Автор резко критиковал краткосрочные курсы, доминировавшие в 1920-е годы, как недостаточные для ликвидации правовой безграмотности и формирования квалифицированных кадров. Вместо них он предлагал трехуровневую систему специализации: хозяйственно-юрисконсультское, административное и судебное направления, что отражало потребности региона в кадрах для судов, органов власти и хозяйственных структур. Особое внимание Кельман уделял междисциплинарности, утверждая, что «плох тот юрист, кто только юрист». Он призывал интегрировать в учебные планы экономику, социологию и историю, что соответствовало новой парадигме советского юридического образования, где право изучалось в контексте марксистско-ленинской теории.

М.М. Исаев (1880–1950 гг.) в статьях «О Высших юридических курсах» (1923)⁴ и «О высшем юридическом образовании РСФСР» (1927)⁵ поднимает проблему соотношения теоретического и практического компонента в процессе обучения юриста. В его статье, опубликованной в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1923 г., освещается работа московских Высших юридических курсов для судей, следователей и прокуроров, имевших стаж практической деятельности. При обучении акцент был сделан на практико-ориентированное обучение, индивидуализацию программ и развитие самостоятельного юридического мышления. Исаев подчеркивал революционный характер реформ: старые институты полностью упразднялись, а новая система выстраивалась «на расчищенном месте» с ориентацией на марксистскую теорию и практические задачи советского государства. Наряду с успехами реформ – развитием специализированных кафедр, ростом практико-ориентированного обучения, он указал и на проблемы – нехватку преподавателей, учебников, трудности организации семинаров.

В 1950–1960-е годы стали появляться работы советских ученых, посвященные высшему юридическому образованию и истории советской юридической науки.

Основной и наиболее известной работой, посвященной изучению и анализу юридического образования в СССР, является выполненное в 1950–1960-х годах А.Ф. Шебановым исследование «Юридические высшие учебные заведения»⁶, в ходе которого уже применялся междисциплинарный подход. Однако применение такого подхода было ограничено рамками идеологизированного сознания автора и политическим режимом советского периода, в котором не допускалось инакомыслие в сфере философии и методологии общественных наук.

Современный этап историографии характеризуется переосмыслением ранее изученных проблем, связанных с исследованием вопросов становления советской науки и системы образования.

Анализом статистических данных выделяется историческое исследование «Становление системы подготовки юридических кадров в советской России»⁷, в ходе которого И.И. Олейник, О.Ю. Олейник выяснили следующую динамику: сколько выпускников-юристов в те годы направлялось в органы юстиции; как менялся удельный вес судей, прокуроров, следователей, защитников, имевших юридическое образование; каковы были проблемы организации и функционирования на местах заочной формы обучения работников юстиции. Акцент делался на подготовку выдвиженцев трудовых и партийных коллективов из среды рабочих и крестьян, к которым не предъявлялось специальных образовательных требований (кроме грамотности), в том числе к кандидатам в судьи. Ключевую роль играло

³ Кельман Е.И. О системе юридического образования [Электронный ресурс] // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2015. № 12. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (дата обращения: 29.05.2025).

⁴ Исаев М.М. О Высших Юридических Курсах // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1923. 19 апр. № 15. С. 339–342.

⁵ Исаев М. О высшем юридическом образовании в РСФСР // Советское право. 1927. № 6. С. 112–114.

⁶ Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М., 1963.

⁷ Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России [Электронный ресурс] // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2005. Вып 2. URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (дата обращения: 29.05.2025).

классовое происхождение, так как в ситуации отмены норм права «свергнутых правительств» система советского позитивного права была не сформирована, и в качестве источника права, в том числе, рассматривалась так называемая «революционная целесообразность». С учетом этих условий для выдвиженцев выдавался допуск к профессиональной деятельности после прохождения практики и обучения в том учреждении, в которое выдвигался представитель класса трудящихся.

В 2012 г. опубликовано комплексное исследование В.Н. Казарина и Ю.П. Лякутиной, посвященное зарождению и развитию юридического образования в Восточной Сибири с 1918 по 1991 г.⁸ В работе использован широкий архивный материал, включая государственные и региональные документы, а также личные воспоминания, что позволило восстановить хронологию событий и проанализировать влияние социально-экономических условий на развитие юридического образования в Восточной Сибири. Внимание авторов уделяется созданию Иркутского государственного университета и юридического факультета в его составе. При этом авторы не рассматривают возникновение и развитие советского юридического образования с позиции парадигмального подхода к образованию, включающего ценностные установки. Данная монография получила высокие оценки рецензентов в лице И.В. Олейникова⁹ и Ю.В. Арбатской¹⁰.

Отдельного внимания заслуживают работы Н.Н. Зипунниковой, которая опубликовала несколько десятков статей по истории Уральской государственной юридической академии, преобразованной из Свердловского юридического института, который был образован в результате перевода в 1931 г. из Иркутска в Свердловск Сибирского института советского права, созданного на базе юридического факультета Иркутского государственного университета.

В результате десятков публикаций Н.Н. Зипунниковой в первые десятилетия 2000-х годов были введены в научный оборот уникальные материалы государственных архивов об истории становления юридического образования на территории Сибири и Урала в 1920–1930-е годы. В статьях прослеживается процесс радикальной реорганизации системы подготовки юристов. Отказ от «буржуазной» юриспруденции в пользу советского правового мышления, основанного на классовом подходе (идеи П.И. Стучки), порождал дискуссии: нужно ли сохранять теоретическую юриспруденцию или ограничиться практическими навыками, как сочетать марксистско-ленинскую доктрину с реальными потребностями правоприменения. Переход от классической университетской модели (юридический факультет Иркутского университета с 1918 г.) к специализированным институтам советского права (1931 г.) сопровождался особенностями региональной реализации, такими как сохранение элементов дореволюционной традиции в Иркутске, проблемами кадрового обеспечения (использование преподавателей старой школы), а также материальными трудностями (нехватка помещений, литературы).

Работа Владимира Гзовски (юриста, участника белого движения) «Советская концепция права»¹¹ (The Soviet Concept of Law), опубликованная в 1938 г. в Нью-Йорке (США), посвящена анализу теоретических основ и практического применения права в Советском Союзе конца 1930-х годов. Автор с позиции буржуазного права рассматривает, чем советская правовая теория принципиально отличается от западных правовых традиций, акцентируя внимание на марксистско-ленинской основе советского права. В работе подчеркивается отказ от представления о праве как о нейтральной системе норм и формулируется понимание права как инструмента классовой политики, направленного на защиту интересов пролетариата и социалистического государства. В заключение автор утверждает, что советская

⁸ Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск, 2012.

⁹ Олейников И.В. Новое исследование о государственной политике по отношению к юридическому образованию в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (10). С. 182–187.

¹⁰ Арбатская Ю.В. Историографическое исследование юридического образования в Восточной Сибири // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2 (88). С. 160–161.

¹¹ Gsovski V. The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7, No. 1. P. 144.

концепция права характеризуется инструментальным подходом, тесной интеграцией с государственной политикой и ориентацией на достижение социалистических целей, что существенно отличает ее от западного понимания права как автономной и беспристрастной системы.

В целом, обобщая анализ историографии, касающейся вопросов юридического образования, можно прийти к выводу об отсутствии в научной литературе исследований, посвященных зарождению и формированию социалистической парадигмы юридического образования в 1920–1930-е годы в Западной Сибири.

Цель настоящей работы – показать связь инноваций в юридической науке 1920-х годов с юридическим образованием на материале Сибирских юридических курсов.

Задачи исследования: раскрыть инновации в советской юридической науке в 1920-е годы, оказавшие влияние на формирование социального заказа на подготовку юридических кадров в Сибири, и сопоставить выводы с материалами фондов Государственного архива Новосибирской области, относящимися к Сибирским юридическим курсам, документы о деятельности которых за 1927–1929 гг. по ведомственной подчиненности оказались в отделе профессионального образования Сибирского краевого отдела народного образования (до разделения в 1930 г. Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский).

Работа выполнена в рамках предметного поля истории образования, к которому применена теория социального заказа, сформулированная Марком Ферро¹². В рамках этой теории построение и функционирование системы юридического образования исследуются как реализация социального заказа на подготовку и переподготовку кадров для строительства первого в мире социалистического общества, государства и права.

Методология исследования основана на парадигмальном подходе, который ранее использовался для характеристики системы подготовки кадров Е.Г. Водичевым, С.А. Красильниковым, Н.А. Куперштох¹³.

В 1918–1920-е годы в юридической науке СССР и РСФСР развернулась масштабная дискуссия о сущности и определении права, значение которой для юридического образования не исследовалось историками. Данный период характеризуется многогранностью подходов к пониманию права и попытками соединить марксистские идеи с реальностью функционирования права в советском государстве. Это протекало в виде публичной дискуссии на страницах советских периодических изданий и в органах советского управления. В них участвовали деятели советской юстиции и политические лидеры партии, партийные теоретики, некоторые из которых имели дореволюционный опыт практической или научно-преподавательской деятельности в области юриспруденции.

Множество теорий правопонимания, раскрывающих сущность права, предопределяет не только содержание юридической деятельности, но и содержание юридического образования. Исторический период 1920-х годов уникален тем, что в нем формировалось несколько уникальных теорий правопонимания, в том числе получило развитие марксистское понимание права, возобладавшее в его нормативистском варианте во второй половине 1930-х годов и монопольно просуществовавшее без существенных изменений до распада СССР.

Октябрьская революция 1917 г. закрепила отрицание права как инструмента социального управления государства трудящихся, снижение его значения как одного из элементов надстройки над экономическими отношениями, которые признавались базисом, определяющим общественное сознание. В то же время происходило осмысление и поиск новых подходов, основанных на марксистско-ленинском учении, которое в своих изначальных

¹² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

¹³ Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск, 2012; Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3, ч. 1. С. 58–78; Наука и ученые в восточных регионах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов. Новосибирск, 2021; Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 5–13.

установках отрицало многие достижения дореволюционного правоведения. Большевики рассматривали будущее коммунистическое общество как свободное от государства и права, однако уже в период нэпа и позже возникла необходимость теоретического обоснования функционирования права в новых условиях.

Рис. 1. Стучка П.И. Пять лет революции права // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1922. № 44–45 (7 дек.). С. 1–3

В 1920-е годы в советской юриспруденции сосуществовали и активно развивались следующие инновационные направления правопонимания.

Социологический подход, развиваемый П.И. Стучкой, который несколько месяцев возглавлял народный комиссариат юстиции РСФСР в 1918 г., а в последующем первый председатель Верховного суда РСФСР в период с 1923 по 1932 г., директор (с 1931) Института советского права, совместно с другими учеными рассматривал право как систему общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса. В работе «Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве»¹⁴ (1921), как и в последующем своем труде «Революционная роль советского права»¹⁵ (1931), ставшем учебным пособием к курсу «Введение в советское право», П.И. Стучка рассматривал право как систему объективных, не зависящих от индивида общественных отношений с признаком классового характера, что стало господствующим подходом до конца 1930-х годов, когда было закреплено определение права как «системы (или порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной силой его (т.е. этого класса)».

Психологическая школа права (М.А. Рейснер, Я.М. Магазинер, И.Д. Ильинский, Е.А. Энгель и др.) развивала идеи, восходящие к концепции права Л.И. Петражицкого как внешнему проявлению сознания и психики людей, возникающему как реакция людей на действия государства. При таком подходе право как форма отражения психики не имело самостоятельного статуса, а являлось разновидностью общественной идеологии и формой общественного сознания, а не системой общественных отношений. Сторонники психологической школы поддерживали идею интуитивного права, которое возникает помимо государства: примером такого подхода служила практика решения юридических дел на основе революционного правосознания. Вслед за классиками марксизма-ленинизма М.А. Рейснер

¹⁴ Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М., 1921.

¹⁵ Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М., 1931.

воспринимал послереволюционное советское право в качестве буржуазного, но при этом считал, что правовая система не имеет единства и представляет собой компромисс, включающий пролетарское, крестьянское и буржуазное право. М.А. Рейснер считал, что общественная идеология, внедряемая пролетарским государством посредством пропаганды, будет способствовать возникновению пролетарской идеологии классовой борьбы с буржуазией, а право, по его мнению, превратится в инструмент этой борьбы. Таким образом, психологическая школа связывала понимание права с классовыми интересами и идеологическими установками государства, акцентируя внимание на психологических аспектах формирования права и правовых отношений.

Позитивистское направление также имело своих представителей среди советских правоведов. Сторонники такого подхода воспользовались теоретико-методологической неразработанностью вопросов правового регулирования в послереволюционный период: советская теория государства и права формировалась постфактум на базе уже существующей государственно-правовой практики, решения в сфере права вырабатывались не в ходе научных дискуссий, а в процессе политической борьбы и политического дискурса, что приводило к закреплению и сакрализации политически обусловленных решений.

Формирование нового правового порядка в условиях «тьмы беззакония» и правового хаоса после революции происходило быстро, так как правовой хаос революционных лет оказался опаснее, чем предполагалось, поэтому возникла срочная потребность в создании нового советского права. Этим обусловлено принятие первых советских кодексов (гражданского, трудового, уголовного) и законодательства о судостроительстве для наведения порядка и охраны завоеваний пролетариата.

К 1930-м годам сформировалась более сбалансированная концепция правопонимания, учитывающая как базисные (способ производства), так и надстроечные явления в развитии права как социально-классового института. Значимую роль в этом процессе сыграла концепция А.Я. Вышинского. Эта концепция сыграла наиболее значимую роль в формировании унифицированной марксистской теории права.

Выступление Л.М. Кагановича в Институте советского строительства и права в декабре 1929 г.: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»¹⁶. Озвучивая партийную точку зрения, докладчик заявил, что государственно-правовые явления следует изучать в тесной связи с экономикой, производственными отношениями и развитием классовой борьбы, он также указал на необходимость борьбы с «буржуазными юристами», которые, по его мнению, отрицали социалистическую государственность. Таким образом, партийное руководство определяло направления развития юридической науки и правопонимания.

Дискуссия о понимании права способствовала эволюции взглядов советских юристов от первоначального отрицания права к признанию его необходимости для построения социалистического государства. Право стало рассматриваться не только как инструмент классовой борьбы, но и как система регулирования общественных отношений, складывающихся в советском обществе. Формирование унифицированной марксистской концепции права в 1930-х годах привело к идеологизации и догматизации юридической науки.

Советские юристы должны были ориентироваться на марксистско-ленинскую теорию, что накладывало определенные ограничения на свободу научных исследований и разработок. Инновационный социальный заказ на подготовку юридических кадров заключался в том, что юрист в советском обществе воспринимался как строитель социалистического государства, чья задача заключалась в применении и развитии марксистско-ленинских правовых идей. При этом в 1920-е годы еще сохранялась определенная свобода научного поиска и

¹⁶ Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. М., 1930. № 1 (янв.). С. 7–43.

разнообразие правовых концепций, что отражало «борьбу за право» и «гражданскую войну» на правовом фронте (по выражению П.И. Стучки).

На территории Сибири юридические курсы были организованы в конце 1923 г. и открыты в начале 1924 г. как Сибирские областные юридические курсы по переподготовке судебно-следственных работников и работников прокуратуры¹⁷. С 1926 г. переименованы в Сибирские краевые с резиденцией в г. Иркутске.

С 1926 по 1930 г. Иркутск входил в Сибирский край, объединявший территории Западной и Восточной Сибири. На территории края был создан Сибирский краевой суд, под управлением которого были организованы постоянные юридические курсы. Несмотря на то, что местом территориального расположения Сибирского краевого суда являлся Ново-Николаевск, в округах края действовали отделения и судебно-кассационные сессии Сибирского краевого суда в составе судей, проживающих в окружных центрах. Процесс преобразований административно-территориальной системы РСФСР середины 1920-х годов в 1926 г. привел к расформированию Иркутской губернии с последующим вхождением трех ее округов в состав Сибирского края, соответственно был расформирован Иркутский губернский суд, один из судей которого стал организатором курсов массовой подготовки и переподготовки кадров органов юстиции для всей Сибири.

До 1927 г. руководство курсами по совместительству осуществляли два работника судебной системы – завкурсами и завучебной частью, а с 1 марта 1927 г. для управления курсами был назначен новый заведующий, совмещающий обе должности. Им стал Смирнов Алексей Автономович, родился в 1876 г. в семье крестьянина в д. Галицино Ярославской губернии, 11 лет работал в типографии наладчиком, 4 года счетоводом, в 1905–1907 гг. был членом правления Ленинградского союза печатников (такое наименование союза указано им лично в анкете), с 1914 по 1920 г. – народный учитель, участвовал в партизанском движении против белых банд, по 1922 г. преподавал математику в школе второй ступени, руководил кружками, с 1923 г. в должности народного судьи, нотариуса, члена губернского суда, на момент назначения заведующим курсами был народным судьей по жилищным делам в Иркутском губернском суде, член ВКП(б) с 1920 г.¹⁸

В материалах дела содержится отношение от 24 октября 1926 г. № 3П-34 со сведениями о проведенных в 1926 г. и планируемых к проведению в 1926/1927 г. двух краевых юридических курсов¹⁹. Первые – на 60 человек в г. Омске при постоянной Омской сессии краевого суда продолжительностью 6 месяцев в 1926 г., которыми руководили ответственные работники судебной системы по совместительству, и вторые курсы – на 100 человек в г. Иркутске продолжительностью 1 год, которыми руководил А.А. Смирнов.

Из доклада заведующего курсами (А. Смирнова) на Коллегии АПО Округкома ВКП(б), проводимой 29 июня 1927 г.²⁰, указывается ежегодный прием и выпуск курсантов с учетом каникулярного времени, учебные занятия продолжаются в течение 9–10 месяцев в год. В 1926 г. учебный план краткосрочных курсов, перечень рекомендованной литературы разрабатывались и утверждались президиумом Сибкрайсуда. При курсах имелось общежитие, но штаты по общежитию не предусматривались, из местного бюджета на курсы и общежитие ничего не было отпущено. Курсы не имели самостоятельного помещения и в г. Иркутске помещались в здании, закрепленном за Совпартшколой, без взимания арендной платы. В докладе указаны правила зачисления на курсы с приоритетом разверстки от Сибкрайсуда. В докладе содержатся сведения об управлении курсами, организованном на основании положения, утвержденного в 1923 г. (самого положения этого года в материалах дела не содержится). При курсах существует Курсовой совет, состоящий из завкурсами,

¹⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 459. Л. 5. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты) по организации краевых юридических курсов. 1926 г.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 780. Л. 1–5. Резолюции по докладу, учебный план и смета на 1927–1928 гг., переписка с крайсудом о работе Сибирских краевых юридических курсов (г. Иркутск). 1927–1928 г.

¹⁹ Там же. Д. 459. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты) по организации краевых юридических курсов. 1926 г. 23 л.

²⁰ Там же. Л. 5.

преподавателей и представителей от Профобра, Окрисполкома, Профсовета и 4–5 курсантов. Кроме того, Курсантский совет, старостат при общежитии и бюро партийной и комсомольской ячеек и профсоюзных организаций.

Кроме общей неуспеваемости студентов, в 1926/1927 учебном году отмечается слабая успеваемость по обществоведческим дисциплинам: историческому материализму, политэкономии и ленинизму. Среди причин, кроме позднего начала учебного года, отмечаются непостоянный состав и перегруженность преподавателей.

На следующий учебный год было реализовано предложение завкурсами по созданию двух групп учащихся – одной по переподготовке и второй по подготовке судебных работников. В первую было предложено набирать только из судебно-следственных работников и прокуратуры, во вторую – выдвиженцев и всех остальных, вводя для последней группы в обязательном порядке общеобразовательные предметы, арифметику и русский язык.

28 ноября 1927 г. состоялось заседание Пленума Сибирского краевого суда, в выписке из протокола которого содержится²¹ одобрение выводов председателя Сибирского краевого суда М.В. Кожевникова содержащихся в акте обследования Сибирских Краевых Юридических Курсов, произведенного 9–10 ноября 1927 г. За отсутствием помещения в г. Новосибирске курсы оставлены в г. Иркутске и размещены в Совпартшколе, открыты с 10 октября 1927 г. На курсы направлены две группы учащихся – для подготовки и переподготовки, всего зачислено 95 человек, из которых: членов партии и кандидатов – 82, членов ВЛКСМ – 4, беспартийных – 9, женщин – 15, нацменьшинств – 10 (не считая белорусов и латышей), из них бурят – 4, киргизов – 1, украинцев – 2, хакасов – 1, мордвов – 1, алтайцев – 1. По социальному происхождению рабочих – 46, крестьян – 15, служащих – 34 (в число рабочих и крестьян включены и судебные работники, ранее занимавшиеся крестьянством или работающие у станка), в группе выдвиженцев (31 человек) имеется рабочих – 17, крестьян – 10 и служащих – 4 человека. Имеют среднее образование – 3, низшее – 88, малограмотных – 4. В числе принятых курсантов народных судей – 26, народных следователей – 10, помощников прокуроров – 14, технических работников суда и прокуратуры – 15, милицейских – 1, рабочих из производства – 17, крестьян – 3. Далее в акте обследования отмечается, что директива о направлении 32 выдвиженцев непосредственно от станка и от сохи на подготовку осталась полностью не выполнена. По поводу материального обеспечения курсантов им сохраняется содержание по ранее занимаемой должности и дополнительно выплачивается стипендия 15 рублей, выдвиженцам – дополнительно по 10 рублей от Крайсуда, однако тем, кто не получает материальное содержание, дополнительно предложено выдавать оставшиеся свободные денежные средства, так как только общежитие на курсах стоит 15 рублей. Преподавательский состав 18 человек, из которых: профессоров – 3, преподавателей университета – 4, судебных работников – 4, прокурорских – 3, финорганов – 1, окружного комитета партии (Совпартшкола) – 3. Из числа преподавателей все, кроме одного, имеют опыт преподавания на курсах, членов партии – 11, беспартийных – 7.

Об организации выполнения социального заказа при подборе курсантов на указанные курсы 1927 г. свидетельствует обращение заведующего агитационно-пропагандистским отделом Сибирского краевого комитета ВКП(б), адресованное всем окружкам ВКП(б) Сибирского края со следующими предложениями. Уделить особое внимание подбору курсантов на юридические курсы как из числа нарсудей, нарследователей и работников прокуратуры, так и из рабочих с предприятий и крестьян в порядке выдвижения. Отбор посылаемых на юридические курсы провести на месте в особых испытательных комиссиях (в составе представителей АПО Окружкома, Суда и ОНО, в качестве минимума необходимых знаний следует требовать умение читать и писать, знание арифметики в пределах четырех действий над целыми числами, наличие политической подготовки в объеме

²¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1796. Л. 28. Справка о реализации директив окружкома, о работе производственных ячеек ВКП(б), о работе Маратовского РК ВКП(б), материал по обследованию ячейки «Красное Знамя». Акт обследования юридических курсов, докладная записка и другие информационные материалы от окружкомов ВКП(б) и государственных организаций. Декабрь 1927 – ноябрь 1928 г.

программы нормальной партшколы. Принять меры, чтобы судебные работники, командируемые на курсы, сохранили за собой полностью получаемую зарплату. Как следует из вводной части указанного документа, закончившийся (истекший) учебный год на краевых юридических курсах в г. Иркутске показал «весьма малую успеваемость курсантов»: из 86 учащихся удовлетворительно закончили занятия на курсах только 65 человек. Причинами неуспеваемости отмечены: непригодность учебного плана к разнообразному составу слушателей, плохое материальное положение учащихся, «невнимательное и несерьезное отношение мест к подбору курсантов». Отмечается, что были случаи, когда на курсы посылались лица почти совершенно технически неграмотные, незнакомые с четырьмя действиями арифметики, непригодность которых для курсов была очевидна.

7

СОСТАВ курсантов Сибирских Краевых Юридических курсов на 1926/7 г.

I. Землепашество	I	Кочегар	I.
Секрет. прокурора	I	Пом. зав. кухней	I
Пом. секрет. прокурора	4	Секрет. г. совета	I
Зав. край. полит. совет.	I	Сторож завода	I
Нар. судья	14	Зав. кварт. делами	I
Секр. следователя	I	Предо. Юза Св. торг- служ.	I
Инструкт.-коопер.	I	Пом. машиниста	3
Зав. инж. работами при изолаторе.	I	Дом. хоз.	I
Секрет. м. у. н.	6	Пом. крупчат. на мель- нице.	I
Секрет. меоткома	I	Политрук авиабазы	I
Дел. производ. сов. орг.	3	Ковон. армеец	I
Зав. изд. читальн.	1	Агент из	I
Служ. пох. лечебн.	I	Суд. исполн. тель	I
Зав. разб. клубом	I	Нар. след. ватель	3
Больнич. мед. делка	I	Контр. орг.	1
Рай. организатор	I	Нач. милиции	1
Член о/совета	I	Предо/совета	1
Ликид. неграмотн.	I	Дел. производ.	I
Приказчик	I	Зав. типо. к. ж. зав.	I
Член рика	3	Переплетчица	I
Зав. док. работ.	I	Счет. вед.	I
Инструкт. по работам среди молодежи	I	Зав. складом	I
Зав. кон. уголка	I	Зав. кон. делами	I
Мл. надзиратель изолит.	I	Статист.-информатор	I
Зав. пис. катн. мастер.	I	Ст. милиционер	2
Секрет. райкома	I	Инспект. угрозыска	I
Агитпроп ячейки	I		

Итого 90 человек.

К 19/IV-1927 г. на лиц 88 человек. На 19/IV 27г. = 86 чел.

Заведующий курсами *А. Смирнов* /А. Смирнов/.

Рис. 2. Состав курсантов Сибирских Краевых юридических курсов на 1926/7 г.
ГАОН, Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 459. Л. 5. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты)
по организации краевых юридических курсов. 1926 г.

В докладе заведующего курсами «О работе Сибирских Краевых Юридических курсов в г. Иркутске за 1927/8 учебный год»²² отмечается, что со времени существования курсов к переподготовке судебно-следственных работников добавилась целевая установка на подготовку новых работников из выдвиженцев от производства, в связи с чем изменились учебный план и программы, создана вторая группа учащихся из выдвиженцев. Согласно учебному плану учебная нагрузка второй группы (выдвиженцев) больше первой на 92 часа за весь курс обучения, русским языком и арифметикой занимались весь учебный период по дням отдыха по 2 часа. В последующем дополнительная учебная нагрузка по русскому языку и арифметике была нормативно закреплена для слушателей курсов после передачи их в ведение народного комиссариата юстиции.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Произошла идеологизация учебного процесса, юридическое образование стало строиться исключительно на основе марксистско-ленинской теории, что ограничило спектр изучаемых подходов и концепций.

В программу обучения включались общественные дисциплины, такие как исторический материализм, пролетарская революция, политический строй РСФСР и др., что меняло баланс между правовыми и идеологическими знаниями. Изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и партийных документов стало неотъемлемой частью образовательного процесса.

В то же время ценность юридического образования в обществе в сравнении с дореволюционным положением была снижена. Правовой нигилизм, укоренившийся в массовом сознании, негативно влиял на восприятие юридического образования как социально значимого, юриспруденция воспринималась как инструмент свергнутого режима, что снижало престиж профессии юриста и интерес к юридическому образованию. Подготовка юристов не считалась приоритетной задачей государства, что отражалось на финансировании и ресурсах, выделяемых на юридическое образование.

Образование было направлено на подготовку специалистов, соответствующих потребностям социалистического государства и партийно-государственного механизма, юристы должны были воспринимать право как инструмент классовой борьбы и реализации государственной политики, а не как автономную систему регулирования общественных отношений. Это приводило к формированию нового типа идеологически подготовленных юридических кадров.

Первый фактор, повлиявший на формирование феномена советского юридического образования – это организация управления страной с позиции классовой теории Маркса и Энгельса, развивая которую, В.И. Ленин подчеркивал, что государство является инструментом классового господства, поэтому после революции и свержения буржуазного государства должна быть установлена диктатура пролетариата для подавления сопротивления буржуазии и построения нового общества. Это не диктатура в обычном, общепринятом смысле этого слова в тот исторический период, а новая форма государства, в котором власть принадлежит рабочему классу (пролетариату), а не капиталистам (буржуазии). Государство как социальный институт служит инструментом подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Такая форма государства, согласно марксистской теории, соответствует переходной фазе от капитализма к коммунизму, в ходе которой государство должно «отмереть» (исчезнуть за ненадобностью), уступив место бесклассовому коммунистическому обществу. Ключевыми принципами управления в государстве такой формы, согласно марксистско-ленинской теории, по образцу Парижской коммуны должны были стать: прямое народное самоуправление (выборные, сменяемые в любой момент депутаты и должностные лица), слияние законодательной и исполнительной власти в одном органе публичной власти, постепенная передача функций управления самим трудящимся. На практике в 1920-е годы диктатура пролетариата реализовалась через систему Советов с исполнительными комитетами.

²² ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1032. Л. 24. Протоколы заседаний курсантов, отчет о работе за 1927–1928 уч. год, штаты, смета, сведения о составе учащихся, о подготовке к новому учебному году, переписка с главпрофобром, окроно, краевым судом по организации работы краевых юридических курсов. 1927–1929 гг.

В 1920-е годы советское право формировалось как средство подавления сопротивления буржуазии и защиты завоеваний революции, регулирования новых экономических отношений в переходный период, воспитания «нового» человека и закрепления социалистических норм поведения. В практической деятельности органов юстиции в первые годы советской власти превалировал принцип революционной законности, который по мере принятия новых советских кодексов и других законов был замещен принципом политической целесообразности, определяемым центральными органами Коммунистической партии. Таким образом, с развитием системы законодательства право «начинало служить» укреплению бюрократического аппарата.

Обобщая влияние первого фактора, можно отметить, что противоречия между теоретическими установками на «отмирание» государства и практической необходимостью его укрепления в интересах класса трудящихся предопределили дальнейшую эволюцию советской системы государства и права в сторону этатизма и бюрократизации.

Второй фактор, повлиявший на феномен советского юридического образования и формирование его особой парадигмы – это классовый подход к подбору кадров в органы юстиции и государственный аппарат в целом. Учитывая неграмотность представителей рабочего класса и эксплуатируемых слоев крестьянства, образовательный ценз для занятия должностей в органах юстиции не применялся, а наличие юридического образования при подборе кадров приравнивалось к стажу практической деятельности в соответствующей сфере деятельности. По мере укрепления советской власти проводились периодические чистки сотрудников органов государственного аппарата от лиц, которые не соответствовали образу «строителя коммунизма».

Другим значимым фактором стал партийный контроль за общественными науками и сферами социального управления, усиливавшийся на протяжении всего довоенного периода развития СССР. К концу 1920-х годов были окончательно сформированы институциональные механизмы реализации социального заказа: прежде всего это система партийного контроля, включавшая в себя партийные ячейки во всех учебных заведениях, в том числе на краткосрочных юридических курсах, велся регулярный идеологический контроль содержания образования, а партийные постановления и решения партийных органов подлежали применению как директивные документы, обязательные к исполнению.

Заключение. Таким образом, инновационное понимание права как инструмента господствующего класса, обеспеченного силой государственного принуждения, привело в 1920-х годах к формированию Сибирских юридических курсов, решавших для Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока задачу подготовки работников органов юстиции из представителей трудящегося класса, разделявших коммунистическую идеологию и способных участвовать в строительстве первого в мире социалистического общества, государства и права в соответствии с политическим курсом советской власти.

Литература

Арбатская Ю.В. Историографическое исследование юридического образования в Восточной Сибири // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2 (88). С. 160–161.

Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск: Гео, 2012. 348 с.

Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3, ч. 1. С. 5878.

Исаев М.М. О Высших юридических курсах // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1923. № 15 (19 апр.). С. 339–342.

Исаев М.М. О высшем юридическом образовании в РСФСР // Советское право. 1927. № 6. С. 112–114.

Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. М., 1930. № 1 (январь). С. 743.

Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

Казарин В.Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // Глаголь правосудия. 2013. № 2 (6). С. 60–68.

Кельман Е.И. О системе юридического образования [Электронный ресурс] // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2015. № 12. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (дата обращения: 29.05.2025).

Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 5–13.

Наука и ученые в восточных регионах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов / отв. ред. С.А. Красильников, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2021. 517 с.

Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России [Электронный ресурс] // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2005. Вып 2. URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (дата обращения: 25.05.2025).

Олейников И.В. Новое исследование о государственной политике по отношению к юридическому образованию в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (10). С. 182–187.

Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М.: Гос. изд-во, 1921.

Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М.: Советское законодательство, 1931. 213 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М.: Высшая школа, 1963. 222 с.

Gsovski V. The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7, No. 1. P. 144.

References

Arbatskaya, Yu.V. (2013). Istoriograficheskoe issledovanie yuridicheskogo obrazovaniya v Vostochnoy Sibiri [A Historiographical Study of Legal Education in Eastern Siberia]. In *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. No. 2, pp. 160–161.

Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How History is Told to Children in Different Countries of the World]. Moscow, Vysshaya skola. 351 p.

Gsovski, V. (1938). The Soviet Concept of Law. In *Fordham Law Review*. Vol. 7, No. 1, p. 144.

Isaev, M.M. (1923). O vysshikh yuridicheskikh kursakh [On Higher Legal Courses]. In *Ezhenedl'nik Sovetskoy Yustitsii*. No. 15 (April 19), pp. 339–342.

Isaev, M.M. (1927). O vysshem yuridicheskom obrazovanii v RSFSR [On Higher Legal Education in the RSFSR]. In *Sovetskoe pravo*. No. 6, pp. 112–114.

Kaganovich, L.M. (1930). Dvenadtsat' let stroitel'stva Sovetskogo gosudarstva i bor'ba s opportunistom [Twelve Years of Building the Soviet State and the Struggle against Opportunism]. In *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*. No. 1 (January), p. 743.

Kazarin, V.N. (2013). Osobennosti stanovleniya sudebnoy sistemy v Irkutskoy oblasti. 1918–1920-е гг. [Features of the Formation of the Judicial System in the Irkutsk Region. 1918–1920s]. In *Glagol pravosudiya*. No. 2 (6), pp. 60–68.

Kazarin, V.N., Lyakutina, Yu.P. (2012). *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoy Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal Education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IRGU. 483 p.

Kel'man, E.I. (2015). O sisteme yuridicheskogo obrazovaniya [On the System of Legal Education]. In *Istoriko-pravovye problemy. Novyy rakurs*. Available at: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (date of access 29.05.2025).

Krasil'nikov, S.A., Simonov, D.G. (Eds.). (2021). *Nauka i uchenye v vostochnykh regionakh Rossii v usloviyakh mobilizatsionnoy paradigmy (1930-e – nachalo 1950-kh godov): sbornik dokumentov* [Science and Scientists in the Eastern Regions of Russia under the Conditions of the Mobilization Paradigm (1930s – Early 1950s): A Collection of Documents]. Novosibirsk. 517 p.

Kupershtokh, N.A. (2023). Nauchno-obrazovatel'nyy kompleks Sibiri v 1945–1965 gg.: problemy i resheniya v ramkakh sovetskoy paradigmy [The Scientific and Educational Complex of Siberia in 1945–1965: Problems and Solutions within the Framework of the Soviet Paradigm]. In *Gumanitanye nauki v Sibiri*. Vol. 30, No. 2, pp. 5–13.

Oleynik, I.I., Oleynik, O.Yu. (2005). Stanovlenie sistemy podgotovki yuridicheskikh kadrov v sovetskoy Rossii [The Formation of the System of Training Legal Personnel in Soviet Russia]. In *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. No. 2. Available at: URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (date of access 25.05.2025).

Oleynikov, I.V. (2013). Novoe issledovanie o gosudarstvennoy politike po otnosheniyu k yuridicheskomu obrazovaniyu v Vostochnoy Sibiri [A New Study on the State Policy Towards Legal Education in Eastern Siberia]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (10), pp. 182–187.

Shebanov, A.F. (1963). *Yuridicheskie vysshie uchebnye zavedeniya* [Legal Higher Educational Institutions]. Moscow, Vysshaya shkola. 222 p.

Stuchka, P. (1921). *Revolutsionnaya rol' prava i gosudarstva: obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [The Revolutionary Role of Law and the State: A General Doctrine of Law and the State]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Stuchka, P. (1921). *Revolutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa "Vvedenie v sovetskoe pravo"* [The Revolutionary Role of Soviet Law: A Reader-Manual for the Course "Introduction to Soviet Law"]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo. 213 p.

Vodichev, E.G. (2012). *Nauka na Vostoke SSSR v usloviyakh industrial'noy paradigmy* [Science in the East of the USSR under the Conditions of the Industrial Paradigm]. Novosibirsk, Geo. 348 p.

Vodichev, E.G. (2019). Nauka i vysshaya shkola: dikhotomiya mobilizatsionnoy paradigmy. [Science and Higher Education: The Dichotomy of the Mobilization Paradigm]. In *Idei i idealy*. Vol. 11, No. 3, part 1, pp. 58–78.